

Лев БЕРДНИКОВ

ЕВРЕИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

XV – начало XX вв.

Лев Бердников

**Евреи государства Российского.
XV – начало XX вв.**

«Спорт»

2011

ББК 47

Бердников Л. И.

Евреи государства Российского. XV – начало XX вв. /
Л. И. Бердников — «Спорт», 2011

ISBN 978-5-904885-42-7

Книга писателя Льва Бердникова – документально-художественное повествование о евреях, внесших ощутимый вклад в российскую государственную жизнь, науку и культуру. Представлена целая галерея портретов выдающихся деятелей XV – начала XX вв. Оригинальное осмысление широкого исторического материала позволяет автору по-новому взглянуть на русско-еврейские и иудео-христианские отношения, подвести читателя к пониманию феномена россиянина еврейской идентичности.

ББК 47

ISBN 978-5-904885-42-7

© Бердников Л. И., 2011
© Спорт, 2011

Содержание

Предисловие	7
Foreword	11
«Да молвите Кокосу жидовину от Великого князя»	14
Оклеветанный эскулап	21
Многогранный алмаз	28
Дело врача	36
Петр I и евреи	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лев Бердников

Евреи государства Российского

(XV – начало XX вв.)

*Посвящается моему деду,
литературоведу Григорию Львовичу Абрамовичу*

Автор благодарен за ценные замечания и советы в подготовке книги Марку Авербуху, Евгению Берковичу, Маркусу Левитту, Раде Полищук, Анатолию Разгону, Семену Резнику, Ушанги Рижинашвили, Юрию Табаку, Ларисе Токарь, Игорю Туфельду.

Евреи. Из книги Густава-Теодора Паули «Этнографическое описание народов России» (Спб., 1862)

Предисловие

Книга Льва Бердникова «Евреи Государства Российского» представляет собой значительно дополненное и расширенное издание книги «Евреи в ливреях» (М.: Человек, 2009).

«Ах, не шейте вы ливреи, евреи!» – эти слова из памятной песни Александра Галича предостерегают представителей иудейского племени всех времен держаться подальше от власть предержащих. Многие персонажи новой книги Льва Бердникова сему совету не вняли и вошли в историю именно потому, что были на виду и вращались в высших государственных и придворных кругах царской России. Рассказано здесь и о тех де я те лях, кто сыграл видную роль в российской культуре, науке, просвещении, чем прославили Отечество и обессмертили свои имена. Автор выстраивает целую галерею портретов выдающихся российских евреев XV – начала XX вв. Поражает при этом завидная широта их профессиональной деятельности: перед нами не только иудеи-купцы, предприниматели, ювелиры, ученые, банкиры и врачи, но и евреи-дипломаты, фольклористы, придворные учителя, литераторы, общественные деятели и даже шуты. И каждый из них оставил свой неповторимый след в истории.

Времена, как известно, не выбирают. Герои этой книги жили и действовали в эпоху государственного и религиозного антисемитизма, а потому большинство из них были поставлены перед необходимостью креститься (как некогда испанские и португальские мараны). Были периоды, когда подвергали остракизму за одно лишь подозрение в тайной приверженности религии Моисея, когда без крещения не дозволили бы не только облачиться в ливреи, но и вообще поселиться в России. Аккультурация и ассимиляция коснулась всех, но степень и градус этой мимикрии различались, демонстрируя все многообразие культурно-исторических типов. Перед нами предстают фигуры, подчас парадоксальные по своей полярности: например, с одной стороны, один из основателей Петербургской еврейской общины, «защитник своего народа» – поборник прав иудеев Нота Ноткин; а с другой – еврей только по происхождению, думный дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов, истый ревнитель православия.

Однако без такого не помнящего родства с иудеями Иванова (равно как без рыцаря славянской фольклористики Павла Шейна – бескорыстного подвижника, посвятившего жизнь изучению русской и белорусской народной песни) картина была бы и неполной, и исторически недостоверной. Оставить их вне поля зрения означало бы упустить из виду еврейский этнический след в российской истории и культуре. Ведь в книге показывается, что уже под скипетром «тишайшего» царя Алексея Михайловича, помимо Алмаза Иванова, подвизались крещеные евреи: русский посол в Кахетии В. С. Жидовин, приказной дьяк В. Юдин; начальник московских стрельцов И. В. Жидовин; придворный доктор Д. Гаден (причем, мы говорим только о государевой службе). Названные лица настолько удалены от нас по времени, что проникнуть в их думы, постичь логику их поступков можно лишь умозрительно. Так, история умалчивает о том, что чувствовал, к примеру, царедворец Алмаз Иванов, когда принимал в Кремле гонителя и убийцу Богдана Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников. Кто может поручиться, что в минуту официальных посольских церемоний Алмаз не вспомнил о своем еврействе?

Книга изобилует впечатляющими примерами, когда евреи-выкресты пеклись об интересах соплеменников и использовали свое привилегированное положение исключительно им во благо. Вот кремлевский врач Даниил Гаден добивается разрешения на торговлю в Москве еврейских купцов и сам привечает иудеев в своем доме. Резидент в Вене Авраам Веселовский убеждает Петра Великого в высоком профессионализме специалистов-евреев; а его брат, учитель великого князя Петра Федоровича Исаак Веселовский, настоятельно просит монархиню-юдофобку Елизавету Петровну разрешить евреям беспрепятственно жить в России. А разве не дорогого стоит признание генерал-лейтенанта Генштаба Михаила Грулева, сделанное

им на рубеже XIX и XX столетий: «Самое важное, что старательно и неусыпно держал всегда под светом моей совести, – это было то, что по мере сил я боролся, пассивно или активно, против несправедливых обвинений и гонений на евреев. Следуя вот в этих случаях «голосу крови» и велениям сердца, я в то же время видел в такой борьбе сокровенное и разумное служение России, моей Родине, по долгу совести и принятой присяги».

А сколько поколений россиян прислушивалось к пронзительному «голосу крови» Семена Надсона (евреем был его дед), а именно, к стихотворению «Я рос тебе чужим, отверженный народ». Произведение это в глазах современников было окрашено в яркие эмоциональные тона. Ибо трагическая кончина самого Надсона, затравленного юдофобом Бурениным и черносотенной прессой, придавало его словам о «стае жадных псов», терзавшей еврейство, злободневность и остроту. А если принять во внимание исключительную популярность этого поэта в конце XIX века, можно говорить о выдающейся роли этого произведения в борьбе с антисемитизмом в российском обществе.

Важно то, что Л. Бердникову удается оставаться верным исторической правде и реалиям времени, о какой бы эпохе ни шла речь в книге. Это тем более ценно, что в некоторых сочинениях израильских авторов делается необоснованная попытка представить всех выдающихся пращуров и убежденными сторонниками иудаизма. Так, один известный тамошний писатель живописует прямо-таки фантастическую сцену. Будто бы евреи при дворе Петра Великого (в том числе и откупщик Борух Лейбов, прибывший из Смоленска прямо в царевы покои) собираются вместе на пасхальный седер и побуждают российского императора надеть ермолку (что тот без колебаний и делает). «Сомнительна не только эта сцена, – полемизирует с ним автор, – но и существование в Петербурге начала XVIII века какой-то особой еврейской партии, покровительствующей своим соплеменникам и крепко спаянной корпоративными или религиозными интересами».

Между тем сложно и противоречиво было отношение к иудеям и самого Петра Великого – «импульсивного прагматика», искреннего во всех проявлениях: и когда он честил иудеев, и когда защищал их. И великий реформатор России возвел на высшие государственные посты империи немало евреев, а те во главу угла ставили интересы их нового Отечества и именно с ними пытались примирить свое национальное чувство. Все свои связи они употребляли во благо России, которой беззаветно служили. Достаточно сказать, что блистательный дипломат Шафиров в условиях, когда русские войска были окружены со всех сторон втрое превосходящей их армией Оттоманской Порты, спас Россию от рабства и унижительных условий мира.

Не прохожими людьми, не перекасти-поле были герои книги – многие из них чувствовали себя хозяевами страны, глубоко укорененными в российскую жизнь. Примечательно, что именно Шафиров впервые ввел в русский литературный обиход слово «патриот», которое он определил как «Отечества сын». И для евреев это были не пустые слова! Многие из них и в более позднее время были ревностными патриотами страны, соединяя в себе заботу о судьбе единоплеменников и горячую любовь к России и русскому народу. Ученый-натуралист, академик Карл Габлиц, был одержим служением российской науке, он возрождал, превращал в цветущий край новоприобретенную Тавриду. Первый русскоязычный писатель-еврей Лев Невахович, автор книги «Вопль дщери иудейской» (1803), пишет сочинения, в которых прославляет Россию. «Ученый еврей» Министерства народного просвещения Леон Мандельштам, посвятивший жизнь просвещению своих единоверцев, выступает истым апологетом русской культуры, становится первым русскоязычным поэтом-евреем. Общественный деятель и меценат барон Евзель Гинцбург завещает потомкам обязательно хранить российское подданство и иудейскую веру. А его сын, барон Гораций Гинцбург, снискавший особую известность и любовь единоверцев своей благотворительностью и защитой прав гонимого народа, и в лихолетье погромов и угнетения свято верил в будущее еврейской общины в России. Национальный еврейский поэт, сын пахаря Семен Фруг своей любовью к земле и горячим еврейским

патриотизмом заслужил уважение и благоговение замечательного русского писателя Николая Лескова.

Так что же, выходит, предостережение: «Ах, не шейте вы ливреи, евреи!» беспочвенно и лишено оснований? К сожалению, нет! Судьба многих героев книги оказалась глубоко трагичной. Во времена Ивана III погибает на эшафоте врач Мистро Леон, ставший жертвой коварного заговора; другой доктор, Даниил Гаден, облыжно обвиненный в чернокнижии, был растерзан мятежными стрельцами в 1682 году; братья Абрам и Федор Веселовские вынуждены были бежать из страны и стали первыми дипломатами-невозвращенцами; умирает в нищете подрядчик Абрам Перетц, разорившийся на поставках провианта для русской армии в войне 1812 года, и т. д. Гонениям подвергались даже те евреи, чьи заслуги перед державой были поистине огромными. Над вице-канцлером Петром Шафировым был уже занесен топор палача, но вдруг «смилоствились» и объявили лишь о ссылке, лишении всех чинов и орденов (а до того в Сенате ему не без удовольствия напомнили, что он «жидовской породы»).

На некоторых героев книги возводили напраслину даже после их смерти. Досужие историки-почвенники, умалчивая о реальном вкладе евреев в российскую культуру и становление империи, пытаются отыскать следы вредоносных происков «жидомасонов» в годину самых мрачных событий российской истории. Вот здесь-то роль «евреев в ливреях» ими сознательно и настойчиво гипертрофируется. По логике сих «ученых мужей», времена царствования императрицы Анны Иоанновны правильнее было бы назвать не «Бироновщина», а «Липмановщина» по имени приближенного к временщику Э. И. Бирону еврея-банкира Леви Липмана, который якобы и правил Россией. В книге показывается абсурдность и смехотворность утверждения о всемогуществе некрещеного еврея Липмана (бывшего лишь одним из кредиторов Бирона) в эпоху религиозной нетерпимости и антисемитской истерии.

Агрессивный поиск «исторического компромата» на еврейский этнос особенно рьяно и упорно ведется в сфере литературы, точнее – в области русской поэзии. Ангажированные литературоведы и критики пытаются внушить мысль, что в смерти великих русских поэтов повинны именно евреи, которые якобы повязаны вековечным тайным заговором против России. И не беда, если их нет рядом, под рукой, – при желании жидом можно объявить любого прохвоста или мерзавца, особенно же, когда дело пахнет смертоубийством. Вот злосчастный Николай Мартынов, застреливший на дуэли великого Лермонтова, – даром, что православный, дворянин, офицер, а отчество-то у него «Соломонович»! Зачем утруждаться вопросом, по каким причинам православные христиане и Мартыновы, в частности, могли дать новорожденному библейское имя Соломон? Какое дело русскому националисту до Недели святых праотцев в Православной церкви (а она отмечается в конце декабря), когда младенцам давали древнеиудейские имена?! А вот мученический образ русского поэта, убиенного супостатами-инородцами, очень даже притягателен. Ну, как тут удержаться от искушения объявить Соломоновича – Мартынова – натуральным жидом! И не только объявить, но и фильм об этом заделать – очень «художественный» и весьма «просветительский». Да еще приплести к заговору против Лермонтова канцлера Карла Нессельроде (мать-то у сего сановника, как в биографическом словаре сказано, – этническая еврейка лютеранского вероисповедания)...

Отрадно, что характеры известных государственных деятелей под пером Л. Бердникова раскрываются перед нами с новой, неожиданной стороны. Так, специальный очерк посвящен светлейшему князю, фельдмаршалу Григорию Потемкину-Таврическому. Он предстает здесь убежденным юдофилом, первым в российской истории государственным мужем – сторонником сионистской идеи. Этот харизматический деятель впервые после разрушения второго храма в Иерусалиме вооружает иудеев и формирует в 1786 году «Израилевский» конный полк, который предлагает расквартировать в освобожденной от турок Палестине, где и намеревается собрать всех евреев.

Но до реализации этого плана «светлейшего юдофила» Потемкина было еще бесконечно далеко. Огромное число иудеев продолжало жить тогда в Российской империи. Из их среды и выделились евреи, ставшие героями этой книги. Они вошли в анналы истории, а потому вызывают к себе сегодня наш живой и неподдельный интерес.

*Александр Локиин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН РФ*

Foreword

Lev Berdnikov's book «Jews of the Russian State» is a significantly expanded version of his earlier volume *Jews in Livery* (Moscow, 2009).

«Oh, Jews, don't you sew livery!» These words, from the well-known song by Alexander Galich, ring out as a bitter admonition to Jews of all times, warning them to keep a safe distance from those in power. Many of the heroes of Lev Berdnikov's book *Jews in Livery* did not heed this advice and entered history precisely because they made themselves visible and circulated in the highest state and court circles of tsarist Russia. They played a leading role in Russian culture, academics, and enlightenment, both bringing glory to the nation and immortality to their names. The author presents an entire gallery of outstanding Russian Jews of the fifteenth through twentieth centuries. The breadth of their professional activities is striking: here are not only merchants, entrepreneurs, jewelers, scholars, bankers and doctors, but also diplomats, folklorists, court tutors, men of letters, social activists and even court jesters. And each of them left a unique mark on Russian history.

Human beings do not have the luxury of choosing their time and place of birth. «Jews in livery» lived and worked in times of governmental and social anti-Semitism, so that the majority of them were faced with the necessity to convert, as had happened with the Spanish and Portuguese Marranos. There were periods when they faced ostracism for even the suspicion of secretly professing the Mosaic faith, when without conversion they would not only not have been allowed to dress in livery, but even to live in Russia. Acculturation and assimilation faced all of them, but its degree and degree of sincerity differed greatly, manifesting a great variety of cultural and historical types. Before us arise figures at times paradoxical in their extremes: on the one hand, for example, one of the founders of the St. Petersburg Jewish community, the fighter for Jewish rights Nota Notkin, who supported the assimilation of Jews to Russian language and culture; on the other, the Jew only by birth Almaz Ivanov, boyar clerk (*dumnyi d'iak*) of the Foreign Office, who was a fierce zealot of Russian Orthodoxy. However, without reference to his relationship to the Jews our view of figures like Ivanov would be incomplete and historically unreliable; the same goes for Pavel Shein, who selflessly dedicated his life to the study of Russian and Belorussian folksongs. To ignore such figures would mean to underestimate the significant Jewish impact on Russian history and culture. Indeed, as Berdnikov shows, already under Tsar Aleksei Mikhailovich, apart from Almaz Ivanov, there were numerous converted Jews in state service: the Russian ambassador in Kakhetiia V. S. Zhidovin; the departmental clerk V. Yudin; head of the Moscow *strel'sty* I. V. Zhidovin; court physician D. Gaden; and others (and here we are speaking only of those in state service). These figures are so distant from us in time that to delve into their minds and understand the logic of their actions is necessarily speculative. History is silent, for example, on what Almaz Ivanov felt when he received «Khmer the Wicked» in the Kremlin—that is, the infamous Bogdan Khmel'nitskii at whose hands tens of thousands of innocent Jews perished. Who would doubt that at that moment he had a thought for his own Jewish origins?

This book is filled with striking stories about converted Jews who used their privileged position to intervene with the Russian crowned authorities in favor of their fellow countrymen. Thus the Kremlin physician Daniil Gaden obtained permission for Jewish merchants to trade in Moscow, procured commissions for them from court, and received them in his home. The Russian resident in Vienna Avraam Veselovskii convinced Peter the Great, far from well-inclined to Jews, of the high professional qualifications of Jewish specialists; and his brother Isaac Veselovskii, who was the teacher of Grand Duke Peter Fedorovich, did not shy away from trying to convince the imperial judeophobe Elizabeth Petrovna to allow Jews to settle in Russia unimpeded. Similarly precious is the admission of the General-lieutenant of army command Mikhail Grulev, made on the cusp of the nineteenth-twentieth centuries: «The most important thing, that I always held before myself in the

light of conscience, was to fight as best I could, passively or actively, against unjust accusations and attacks on Jews. Following both the 'voice of my blood' and the command of my heart, in these cases I also saw my sacred and rational service to Russia, my land of birth, in consonance with duty to conscience and to my vow.»

And how many generations of Russians have listened to the piercing «voice of blood» expressed by Semen Nadson (whose grandfather was Jewish), in particular, to his poem «I grew up, alien to you, outcast people.» This poem had heightened emotional power for Nadson's contemporaries, since the tragic death of the poet himself, defamed by the Jew-hater Burenin and the anti-Semitic Black Hundreds' press, lent his words about «a pack of ravenous hounds» sharpness and topicality. The exceptional popularity of this poet in the late nineteenth century suggests the important role of this work in the battle with anti-Semitism in Russian society of the time.

It is also important that Berdnikov succeeds in remaining faithful to historical truth and contemporary realia, independent of which period is being analyzed. This is all the more important since in several works by Israeli authors attempts are unjustifiably made to present all of our outstanding ancestors as committed advocates of Judaism. Thus one well-known writer describes the following fantastic scene: Allegedly Jews at the court of Peter I, including the tax-farmer Boruch Leibov, who arrived at the Tsar's quarters directly from Smolensk, were gathering together for a Passover seder, and convinced the Russian emperor to don a yarmolka, which he did without hesitation. «Not only is this episode doubtful,» responds Berdnikov, «but so is the very existence of an alleged Jewish party at the beginning of the XVIIIth century, supposedly supported by other co-religionists and firmly united by corporate and religious interests...

In fact, Peter the Great's attitude toward Jews was complex and contradictory. He was a «impulsive pragmatic,» sincere in all of his actions – both when he criticized Jews and when he defended them. The great reformer elevated no few Jews to the highest state positions in the Empire, and they put the interests of their new homeland first, attempting to reconcile them with their national feelings. They often used their blood ties to advance Russian interests, which they served selflessly. It is enough to cite the case of the brilliant diplomat Petr Shafirov who saved Russia from slavery and humiliating conditions of defeat when Russian troops were completely surrounded by a far superior Ottoman army twice their size.

Incidentally, it was Safirov who first introduced the word «patriot» into the Russian literary language, which he defined as «son of the Fatherland.» These were not empty words for «Jews in livery.» Many of them served as zealous Russia patriots, combining concern for their people with sincere love for Russia and the Russians. The scholar, naturalist and academician Karl Gablits dedicated himself to Russian science and helped revive the newly acquired territories of Tauride (the Crimea), transforming it into a blossoming land. The first Russian-language Jewish writer, Lev Nevakhovich, author of *A Daughter of Judea's Wail* (1803), wrote works extolling Russia. The «learned Jew» of the Ministry of Enlightenment, Leon Mandel'shtam, who dedicated his life to the many-sided education of the Jews in Russia, was also a fierce advocate of Russian culture, and became the first Jewish poet to write in Russian. The remarkable Jewish social activist and patron Baron Evzel Ginzburg obliged his descendants to preserve both their Russian citizenship and Jewish faith, and his son Baron Horace Ginzburg earned recognition and love through his philanthropy and defense of the rights of his people, and despite witnessing pogroms and persecutions in his old age, still believed in the future of the Russian Jewish community. And the national Jewish poet, Semen Frug, who was the son of a farmer, earned the respect and admiration of the remarkable Russian writer Nikolai Leskov with his love for the land and his fervent Jewish patriotism.

So-does this mean that the warning «Oh, Jews, don't you sew livery!» was groundless? Unfortunately, not. Berdnikov recounts the fates of many «Jews in livery» that were tragic. In the time of Ivan III the doctor Mistro Leon perished on the scaffold, victim of a cruel conspiracy. And another doctor, Daniil Gaden, falsely accused of black magic, was tortured to death in 1682 by

rebellious strel'tsy. The brothers Abram and Fedor Veslovskii were forced to flee the country, and thus became Russia's first non-returning diplomats. Chief of Police Anton Divier was exiled to Siberia. The contractor Abram Peretz, who went bankrupt supplying the Russian army with provisions in 1812, died in poverty. And so on! Even those whose services to the country were truly enormous could be subject to persecutions; thus Petr Shafirov was ultimately stripped of his ranks and medals, as the Senate gleefully recalled that he was of the «zhid breed.»

Several of the heroes of this book were not left in peace even after death. Xenophobic historians with nothing better to do keep silent about the contributions made by Jews to the Russian empire while trying to seek out traces of harmful intrigues hatched by «zhid-masons» and contributing to the most dismal events in Russian history. At times the role of «Jews in livery» is thus purposefully and outrageously exaggerated. By the logic of these learned writers, the dark period under Empress Anna Ioannovna should be called not «bironovshchina» (the time of Biron) but «lipmanovshchina,» after E. I. Biron's close associate, the Jewish banker Levy Lipman, who they say, allegedly ruled Russia. (Berdnikov addresses the falsity and absurd nature of this and other assertions about Lipman's power, demonstrating that he was just another of Biron's many creditors.)

The aggressive search for historically compromising material about Jews is especially zealous and stubborn in the sphere of Russian literature, – more precisely, in the area of Russian poetry. Tendentious literary scholars try to push the idea that it was precisely the Jews who were responsible for the death of great Russian poets, as part of an age-old secret conspiracy against Russia. And it's no problem for them if no evidence exists; it's simple enough to label as a zhid any cheat or scoundrel, especially if murder is involved. Thus the unfortunate Nikolai Martynov who shot the great Lermontov in a duel – so what if he was Orthodox, an aristocrat, officer – but what about that suspicious patronymic «Solomonovich»?! The Russian nationalist has no interest in the fact that during the week of holy forefathers in the Orthodox church in late December newborns were given ancient-Jewish names. So here we have the image of a Russian poet and martyr, killed by evil foreigners – it's even rather appealing. So how can one help but give into the temptation of declaring Solomonovich-Martynov a natural born Jew – and not only to declare it, but make a film about it, one that is very «artistic» and even «enlightening.» And throw into the conspiracy against Lermontov the chancellor Karl Nesselrode, whose mother (we learn from a biographical dictionary) was ethnically Jewish but of the Lutheran faith...

Berdnikov also reveals several well-known Russian political figures in a new and unexpected light. For example, a separate essay is dedicated to the Prince and Field Marshall Grigorii Potemkin, who appears here as a convinced judophile and the first governmental figure in Russian history to support the Zionist idea. For the first time since the destruction of the Second Temple this charismatic figure armed Jews to form the «Israelevskii» Calvary Regiment in 1786. This he proposed to be quartered in previously Turkish-occupied Palestine, where he thought to summon all Jews once more.

But it was to be a vastly longer time until the realization of this plan than he imagined. A huge number of Jews were to continue to live and be absorbed into the Russian empire, and among them were the heroes of this book. They entered the annals of history and merit our lively and sincere interest today.

Alexander Lokshin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

«Да молвите Кокосу жидовину от Великого князя» Хозя Кокос

В царствование Ивана Великого, особенно в первой его половине, иудеи чувствовали себя в Московии весьма вольготно. Им было дозволено «торговлю чинить» и беспрепятственно колесить по городам и весям бескрайней Руси. Повсюду можно было заприметить принадлежавшие евреям повозки, обтянутые парусиной. «Высокие, худощавые лошади нерусской породы, – живописал в историческом романе «Басурман» И. И. Лажечников, – казавшиеся еще выше от огромных хомутинов, испещренных медными полумесяцами, звездами и яблоками, давали знать о мере своего хода чудным строем побрякушек такого же металла. На передках сидели большею частью жидаи... В тогданнее время не было выгодной должности, которую не брали бы на себя потомки Иудины. Они мастерски управляли бичом и кадуцеем, головой и языком... Особенно на Руси... во Пскове, в Новгороде и Москве шныряли еврей-суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы... В авангарде, из-под общипанного малахая и засаленного тулупаторчала, как флюгер, остроконечная бородка и развевались пейсики, опушенные морозом».

«Полезные» евреи отыскивались не только на московских улицах, но и среди лиц, непосредственно приближенных к великому князю Ивану III, который, по словам историка Г. В. Вернадского, относился к иудеям весьма доброжелательно и терпимо.

К слову, в этом своем юдофильстве государь московский был не одинок, ибо институт придворных евреев существовал в большинстве стран Европы и Азии. Он имел давнюю традицию и вел свое начало еще с книги Бытия, где рассказывалось об Иосифе – высоком сановнике египетского фараона. Впоследствии жизнеописания придворных евреев, сохранивших религию отцов и помогавших своим соплеменникам, вошли в книги Даниила и Эсфири, а также в апокрифическую книгу Товита. В Средние века правители некоторых мусульманских стран приглашали на службу еврейских врачей и финансистов, и многие из них играли выдающуюся роль в жизни этих стран: Хисдай Ибн Шафрут, Я'аков Ибн Джау Шломо Ибн Я'иш и др. Пользовались финансовыми услугами евреев и средневековые правители. Так, в христианской Испании наибольшего влияния достиг врач и дипломат кастильского короля Иосеф Ха-Наси Фарузиель (XII век) и его племянник Шломо-Ибн Фарузиель, а позже член королевского совета Кастилии Иосеф де Эсиха (ум. 1340). В Арагонском королевстве выдвинулись ряд представителей еврейского семейства де ла Кабальерия (2-я половина XIII века), Альконстантини, Абраваля. В Португалии были широко известны астролог Ибн-Яхья, сборщик пошлин Гдалиа бен Шломо, государственный казначей Ицхак Абраванель и др.

Трудно перечислить всех иудеев при дворах европейских правителей. Заметим лишь, что и русские цари прибегали к их помощи в кредитно-торговых и посольских делах. И хотя из-за традиционной антиеврейской политики церкви институт придворных евреев не получил потом в России регулярного статуса, тем ценнее для нас событие, которое историки небезосновательно назвали самым ранним опытом «русско-еврейской дружбы». Речь идет о выдающемся торговом и дипломатическом посреднике на переговорах между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем. То был каффский (феодосийский) еврей Хозя Кокос.

Здесь необходим краткий экскурс в историю города Каффы, откуда происходил наш герой и где еще в 909 году было построено большое здание синагоги. На нем было начертано: «Мудростью строится дом и радостью утверждается. Да пошлет Всевышний Избавителя для Собрания Израиля!» Каффа была преимущественно еврейским городом: там имелись еще две синагоги и множество еврейских домов. Богатый каффский купец Хозя Кокос был одним из самых успешных торговцев полуострова. «Евреит сей мудр и в торговых делах и в государственных. Вельми хитер. Сейчас он наиглавнейший из богатых купцов в Каффе», – говорили о нем. Именно через Каффу проходил главный торговый путь из Италии на Кавказ. Хозя вел дела с русским правителем еще с начала 1470-х годов, сперва (через посредников) в сфере коммерции – продавал бриллианты и другие драгоценности, причем монарх остался весьма доволен евреем, который, по его словам, вел честную игру не только в торговле, но и в делах тайных. Может быть, именно поэтому Кокосу поручил великий князь передать Менгли-Гирею челобитную грамоту и уговорить его на союз с Московским государством.

Вид г. Каффы (Феодосия)

Впрочем, Кокос оказывал услуги Менгли-Гирею еще до того, как тот занял престол крымского хана. Он как будто предугадал желание царя – заполучить этого надежного союзника на рубежах с Казанью, Ордой, Польшей и Литвой, понимая, что союз с Крымом, а через него и с султаном турецким, был жизненно необходим Москве: ведь ослабление распрей на сем пограничье решало важнейшую для Московии задачу о вольнице Новгородской. Когда встал вопрос о ханстве в Крыму, Кокос послал Ивану III своего зятя Исупа с ходатайством о помощи Менгли-Гирею со стороны Руси и получил требуемую от русского самодержца сумму.

Иван III Васильевич

Московиты в XV веке

Не о собственной корысти пекся еврейский купец, а хлопотал о судьбе всего Крыма, так нуждавшегося в дружбе с Иваном III. Кокос мечтал о сильной ханской власти и о финансовых вливаниях в государственную казну, о союзе с султаном, о прекращении бесчисленных походов воинственных казанцев на Крым и о контактах со ставленником Москвы – Ордынским наследником престола царевичем Касимом. В знак благодарности за помощь купца вступивший на престол хан Менгли-Гирей на три года освободил город Каффу откуда был родом этот еврей, от всех налогов...

В 1474 году великий князь московский поручил прибывшему в Крым русскому послу Никите Беклемешеву передать Кокосу поклон от великого князя и просьбу способствовать сближению сторон, обещая еврею в случае успеха «свое жалованье». Из документов видно: переписка между ними долгое время велась на иврите, что явно доставляло великому князю немалые трудности с переводом. Потому, наверное, иудею было приписано, чтобы впредь «он жидовским письмом грамоты бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бесерменским». Иван поручает также своему послу: «Да молвите Кокосу жид овину от великого князя... как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы аж даст Бог хотим тебя жаловати!»...

И вновь пред светлые царевы очи является посланец, в ермолке и с характерными пейсами. То был зять Кокоса Исуп. Поклонился он царю и пожелал удачи.

– Почему руки не целует и в ноги не падает?! Аль не ведает, как вести себя с государем?! – взъярился было московский князь.

– Не казни, государь, не положено им, – вступился за еврея дьяк. – Вера у них такая. Один царь у них – Бог, а остальные все равны перед ним. На смерть идут ради своей веры, не прогневайся, государь!

– Коль за веру на смерть идут, это похвально. Вера – дело серьезное! – миролюбиво отозвался Иван.

– Пишет Кокос, что хан только союза с Москвой хочет крепкого. Позовешь его на войну с Казанью или с польским «крулем» Казимиром – с тобой будет. Мыслит Менгли-Гирей, что от дружбы той обоим государям только польза будет!..

Хозя проявил себя как преданный друг русских в самое тяжелое для Московии лихолетье. Так, в 1479 году Ордынский хан Ахмат собрал недюжинное войско и всем раструбил о своем походе на Русь. Тогда Кокос, не мешкая, отправляется в Турцию, к султану Баязеду II, испрашивая у него мира, дружбы и взаимовыручки с северным соседом. Дорогую стоила привезенная им от султана грамота, врученная сим верноподданым евреем русскому послу в Крыму: «Султан Баязед, сын султана Мехмета, милостию Божией повелитель Азии и Европы – великому князю Московскому Ивану Васильевичу.

От всего сердца посылая наши приветствия, спешим уведомить великого князя, что мы с большой радостью и душевным утешением узнали через посредство Хози Кокоса Евреинова о Вашем желании иметь с нами мир и дружбу. Среди прочего названный Кокос сообщил, что князь Ахмат выступит в поход против Вас.

Поразмыслив... мы нашли выход, который будет прекрасной порукой Вашему спокойствию. Мы посоветовали крымскому хану Менгли-Гирею помочь Вам, а со своей стороны, проведем угрозу крулю польскому Казимиру. Кроме того, ради Вашего вящего спокойствия обещаю, что буду стоять с Вами в мире и дружбе... Дабы у Вас не оставалось сомнений в твердости данных обещаний, мы в присутствии своих придворных и посланников клянемся истинным Аллахом, а также Священными книгами, что выполним все обещанное...»

В результате слаженных военных действий Казань была разгромлена и никогда уже больше не угрожала Москве. А князь Ахмат, хотя и разбил крымцев (Менгли-Гирей бежал тогда в Турцию, а Кокос – в Венецию), недолго праздновал победу: через год он был убит ногайским ханом. На деньги же, собранные в Венеции Кокосом, Менгли-Гирей создал войско и (при поддержке великого князя Московского) снова обрел крымский престол.

Иван III доверял Кокосу и дела самого деликатного свойства. Ему, к примеру, поручили сосватать дочь мангупского князя Исайки Марию за старшего сына царя – Ивана Молодого. Несмотря на радушный прием, оказанный свату, Хозя не стал кривить душой и не одобрил невесту, найдя ее слишком заносчивой. Брак, однако, не состоялся бы и без этого – Мария скоропостижно скончалась.

Кокос всемерно содействовал русским купцам в Крыму, добивался для них привилегий от хана Менгли-Гирея. Нередко Хозя слал Ивану III знатные подарки: яхонты, жемчуга, сукно ипрское, бархаты и т. д.

Неоценима была роль Кокоса в освобождении русских пленных и, прежде всего, дьяка Федора Васильевича Курицына в 1487 году. Курицын много лестного наговорил царю о содействии Хози, о живом впечатлении о нем и просил Ивана щедро отблагодарить еврея. Но Хозя Кокос так и не смог приехать в Белокаменную. Дружба и сотрудничество еврейского купца и царя, продолжавшиеся в течение всей их жизни, так и не увенчались встречей...

Последней акцией бескорыстной помощи Хози Кокоса Ивану III было возвращение православных святынь, захваченных Менгли-Гиреем в Киево-Печерском монастыре. Кокос выкупил тогда все награбленные ханом православные ценности и отправил в Москву царю. При этом Хозя и не ждал благодарности: воспитанный Торой на уважении к святым местам и святыням своей религии, он просто совершил акт восстановления справедливости по отношению к другой вере.

В 1502 году государь Всея Руси Иван Васильевич торжествовал полную победу: крымский хан Менгли-Гирей полностью уничтожил Золотую Орду и стер с лица земли ее столицу Сарай. Еврей Кокос уже не смог порадоваться этому вместе с Московским князем: за год до

сего события он умер в Каффе. Ненадолго пережил его и сам Иван Васильевич. Причудливая судьба связала на всю жизнь этих двух никогда не встретившихся людей и подарила им верную дружбу...

Оклеветанный эскулап Мистро Леон

До нас дошел исполненный драматизма исторический эпизод. Наследник русского престола, первородный сын и соправитель великого князя Московского Ивана III Иван Молодой (1458–1490), однажды занедужил. Прогрессирующая его болезнь вызывала у всех тем большую тревогу, что слыл Иван Молодой человеком пылким и мужественным, да при том смелым и решительным полководцем, за служившим подлинно всенародную любовь. Стали искать врачевателя. Вспомнили, что незадолго до этого, по инициативе второй жены великого князя, племянницы византийского императора Софьи Палеолог, из Италии было снаряжено в Белокаменную специальное представительство, где в числе мастеров и художников значился молодой «лекарь Жидовин Мистро Леон из Венеции». То был один из первых визитов в Московию иноземного эскулапа еврейского происхождения. Известно, что в Средние века (вплоть до XVI столетия) медицинская наука в Европе находилась преимущественно в руках семитов, а почти каждый еврейский богослов был одновременно и искусным медиком.

Этому-то «жидовину» князь Московский и поручил лечение наследника престола, который, как было объявлено, болел «камчугою» (то есть подагрой, ревматизмом) в ногах. «И видел лекарь жидовин Мистр Леон, – рассказывает летописец, – похваляясь, рек великому князю Ивану Васильевичу, отцу: я вылечю сына твоего, великого князя, от сей болезни, а не вылечю его яз, и ты вели меня смертию казнити; и князь великий Иван Васильевич иняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лекарь лечити, зелие пити даде ему, наче жечи стекляницами [банками. – Л. Б.] по телу, вливал воду горячую». Лечение врачевателя оказалось, однако, безуспешным, и 7 марта 1490 года наследник престола испустил дух. Злополучной оказалась судьба и самого еврейского эскулапа: после сорочин (сорока дней) со смерти Ивана Молодого Леона свезли на Болвановку что в Москве, на берегу Яузы, и при огромном стечении народа отрубили ему голову...

В поисках сведений о Леоне я набрел в Интернете на сайт с броским и, казалось бы, весьма благостным названием «Слова в дни памяти особо чтимых святых». И вдруг в разделе об Иване Молодом встретилось утверждение поистине ошеломляющее: от подагры и ревматизма ног не умирают, а потому сын великого князя отправился на тот свет из-за какого-то снадобья, которым его якобы пичкал сей врач-вредитель. Отсюда следовал вывод: Леон был «фанатиком-иудаистом, ценой своей жизни осуществившим антирусскую диверсию».

Подобной, с позволения сказать, бредовой версии о еврее-камикадзе не выдвигали даже историки и литераторы прошлого, в юдофильстве отнюдь не заприимеченные. О лекаре-жидовине неизменно говорили лишь как о самонадеянном шарлатане, не вызывающем к себе ни малейшего сочувствия; казнь же его стала в глазах окружающих закономерным следствием непростительной медицинской ошибки. А в непогрешимость медицины тогда верили и в неуспехе лечения винили только «неискусного» доктора. «В сем для нас жестоком деле, – говорит о расправе над евреем Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», – народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь». А известный своей юдофобией писатель И. И. Лажечников также о яде ни полсловом не обмолвился. Он только говорит: «Этот мейстер лечил и залечил Иоанна младого и за то казнен всенародно... Об этом никто не жалел: поделом была вору мука!»

В разглагольствованиях же об отравлении Ивана Молодого есть рациональное зерно. Только осуществление этого адского замысла приписывается не тому лицу. Об этом прямо пишет Ивану Грозному весьма осведомленный в российской истории князь А. М. Курбский, свидетельствуя, что «предобрый Иоанн», «наимужественнейший и преславный в богатырских

исправлениях», был отравлен «смертоносным ядом» своей мачехой Софьей Палеолог. Показательно, что именно эту версию отравления наследника престола повторили и авторитетнейшие российские историки В. В. Савва и Г. В. Вернадский.

И в самом деле, достаточно лишь слегка соприкоснуться с московской придворной жизнью конца XV века, чтобы углядеть подковерную династическую борьбу за престол, в коей весьма преуспела Софья Палеолог, родившая Ивану III десятерых детей. Даже апологеты византийской царевны признают ее особую, воистину инквизиторскую изощренность в хитроумных каверзах. Оно и понятно: ведь и росла она, по словам писателя, «в сетях интриг, в тумане коварных заговоров, где опасен каждый стакан душистого питья, где каждую минуту возможен удар в спину стального стилета, выхваченного из узкого рукава!» И далее: «Борьба за власть в тени трона была привычной стихией византийцев, они хорошо знали все ее хитрые приемы и обычаи, они в ней никого не щадили». О неумеренной активности Софьи свидетельствует и историк Н. Л. Пушкарева: «С начала 80-х годов XV века не было в Московском княжестве почти ни одного крупного события или конфликта, в котором не была бы замешана Софья Фоминична».

Писатель Вс. Н. Иванов прямо говорит о постоянной опасности для Ивана Молодого, исходившей от Софьи. И действительно, между ней и пасынком существовала явная и стойкая неприязнь. Особенно возмущало Молодого то, что Палеолог корысти ради запускала руки в великокняжескую казну. Известно, например, что бесценные фамильные драгоценности покойной матери Молодого, княжны Марии Борисовны Тверской, мачеха тайно переправила за границу своей племяннице-итальянке, чем вызвала резкое негодование царевича (ведь эти сокровища предназначались князем Московским для жены его сына Елены). Историки сходятся на том, что если бы Иван III умер до 1490 года и к власти пришел Иван Молодой, следы Софии Палеолог затерялись бы в каком-нибудь забытом Богом монастыре, а внуку ее вряд ли было бы суждено стать Иваном IV, легендарным Иваном Грозным. Факты упрямо свидетельствуют о том, что именно Софья, страстно желавшая передачи трона своему сыну Василию (будущему Василию III), была кровно заинтересована в устранении постылого пасынка, что и произошло в реальности с ее помощью.

Князь А. М. Курбский назвал Софью Палеолог «греческой колдуньей», «злой» женой и наипервейшей «чародейницей». В русском же фольклоре колдовство и чародейство неизменно ассоциируются с всякими снадобьями и ядами. Нелишне заметить, что ломота и немеение ног (от чего страдал покойный Иван) могли быть и симптомом отравления змеиными ядами. Софья же родилась и выросла в краях, где прекрасно знали свойства змеиных ядов. Так что вполне возможно, что царевича по указке Софьи могли «опоить», подмешав яд в пищу.

Не исключено, что наследник престола мог быть отравлен и экстрактом аконита. Известно, что еще древние галлы и германцы натирали им наконечники стрел и копий, предназначенных для охоты на волков. Одно только хранение аконита в некоторых странах каралось смертью. В Греции, откуда происходила София, яд сей применялся для казни преступников, наравне с цикутой. В России с древних времен росло 75 видов аконита, и он, несомненно, был хорошо известен в XV веке. А одним из симптомов отравления аконитом и является ломота в ногах.

Но вернемся к Мистро Леону. Результаты его врачевания всецело зависели от правильно поставленного диагноза. Скажем, при подагре алкоголь полностью исключен, так как он провоцирует приступы боли. При отравлении же змеиным ядом он – одно из эффективных противоядий, которое следует принимать в больших количествах. При отравлении травой алкоголь бесполезен, а при отравлении грибами только ускоряет всасывание яда и т. п. При неправильно поставленном диагнозе прописанное врачом лечение идет во вред больному. Так, по-видимому, и произошло в нашем случае.

Венчание Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 г. Гравюра XIX в.

Софья Полеолог. Реконструкция

Несомненно, молодой медик сам стал жертвой заговора, орудием изощренного убийства, и на него, еврея, списали гибель российского наследника. Не подозревая того, что Иван мог быть злодейски отравлен, Леон лечил его именно от «камчуги» (подагры), от которой, как он знал, не умирают. Потому-то не было в его словах никакого самохвальства, когда он ручался Ивану III за жизнь и исцеление его сына. К тому, чтобы диагноз Леона оказался неверным, приложила руку все та же Софья, сделавшая все, чтобы врач, не подозревавший о возможности отравления, не разобрался в ситуации. Сам факт, что эскулап был привезен из-за границы, говорит о том, что Ивана отравили чем-то местным, специфическим, не знакомым Леону, тем, что в Италии не растет и не ползает. Единственно, на что можно посетовать, – это, что медик не посоветовался с местными русскими знахарями и ворожеями (уж они-то могли подсказать противоядие!), но те «медицинских академиев» не кончали, а потому вряд ли пользовались при дворе каким-то весом. Да и при языковом и культурном барьере между ними и Леоном такое было тогда едва ли мыслимым.

Тронное кресло московских государей XV – XVI веков

Изображение семьи Ивана III на шитой пелене того времени

В пользу версии о непосредственной причастности Софьи Палеолог к устранению претендента на русский трон говорит и логика ее поведения по отношению к сыну Ивана Молодого, Дмитрию, который после смерти отца официально был объявлен наследником престола. По наущению Софьи его также пытались отравить. По счастью, это не удалось: меры безопасности в Кремле были тогда усилены, и знахарки, доставлявшие яды Софье, были схвачены и утоплены в Москве-реке. Но что не смог сделать яд – сделала ловкая византийская интриганка. В одночасье Дмитрий со своей матерью Еленой Волошанкой оказались в тюрьме, а сын византийки, Василий, вдруг стал соправителем отца и наследником престола.

Л. Поляков в своей книге «История антисемитизма» утверждает, что расправа над Леоном способствовала развитию юдофобии и сыграла свою роль в дальнейшем ограничении доступа евреев в Россию. Однако думается, никакой специфически антисемитской подоплеки здесь не было. Достаточно сказать, что за пять лет до истории с Леоном за неудачное лечение

знатной особы был казнен другой доктор, к евреям никакого отношения не имевший. «Такую же участь, – сообщает Н. М. Карамзин, – имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом». Кроме того, историки отмечают исключительную веротерпимость Ивана III, который, по словам того же Г. В. Вернадского, «отличался доброжелательным отношением к иудеям».

Интересно, что в русских народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым, имеются сюжеты об Иване-царевиче, который так же, как Иван Молодой, смел в бою, женился на Елене Прекрасной, боролся с расхитителями царской казны и тоже умер в результате отравления. Фигурирует там и некая Сонька-Богатырка, коей приписывается знание ядов и противоядий, хранение в пузырьках живой и мертвой воды. Не намек ли это на Софию Палеолог? Если наши предположения верны, пусть же народная мудрость послужит уроком не только добрым, но и не добрым (к евреям!) молодцам, выдающим себя за истинных радетелей России.

Многогранный алмаз Алмаз Иванов

Московии уже в XVII веке существовал тип крещеного еврея, который не просто ассимилировался к тогдашним условиям, но своим патриотизмом и неутомимой жизнедеятельностью на благо державы мог поспорить с иным природным русаком. Речь пойдет здесь о человеке по прозвищу Алмаз, с парадоксальной для еврея фамилией Иванов, начинавшем свою профессиональную карьеру как московский купец.

«Многие из [русского] купечества довольно похожи на жидов», – писал в середине XVII века в своей книге «Описание путешествия в Московию» секретарь голштинского посольства при царе Михаиле Федоровиче Адам Олеарий. Не вполне понятно, что имел здесь в виду заезжий иноземец. Может быть, речь идет о сходстве чисто внешнем, и окладистые бороды русских торговцев напомнили ему ветхозаветные, иудейские? Или же Олеарий обнаружил в московитах ту же оборотистость и предприимчивость, кои традиционно ассоциируются с представителями еврейского племени? Кто знает...

Алмаз Иванов (ум. 1669) счастливым образом соединял в себе оба эти свойства. Во всем его внешнем облике явственно угадывались семитские черты: черная с курчавинкой борода, выющиеся волосы, крупные черты лица, характерный нос. Случайно ли это? Обратимся к родословной Иванова. Интересно, что его никто никогда не величал по имени и отчеству. «Самое [его] имя, – объясняет современник, – показывает, что этот человек из самого низкого состояния, потому москвитяне в подписях и разговорах прибавляют к своему собственному имени еще и отцовское, с тою, однако ж, разницею, что знатные придают к этому последнему окончание «вич», а незнатные этого не позволяют». Достоверно известно, что Алмаз происходил из семьи вологодского торговца, посадского человека. Как установили историки М. И. Семевский и Н. П. Загоскин, Алмаз был этническим евреем, что подтверждает и современный израильский исследователь С. Ю. Дудаков, отметивший, что еврейское происхождение Иванова сомнений не вызывает. В то же время он исповедовал православие и в крещении был наречен Ерофеем, впрочем, его предпочитали называть Алмазом даже в официальных документах.

Царь Алексей Михайлович

Этимология имени «Алмаз» восходит не к евреям, а к приволжским татарам, на языке которых «Алмас» примерно соответствует понятию: «Не тронет, не возьмет чужого». Трудно сказать, насколько отвечает это прозвище натуре нашего Алмаза, но можно утверждать со всей определенностью, что воровство (этот извечный бич российской жизни!) не было ему свойственно: Иванов не «корыстовался» чужим.

Природа наградила его блестящими способностями финансиста: в этом он пошел по стопам своего предприимчивого отца, от которого унаследовал и купеческое ремесло, и деловую жилку. В то же время Алмаза отличали обходительность, общительность и какая-то особая, бьющая в глаза светскость, столь редкая среди москвитов XVII века.

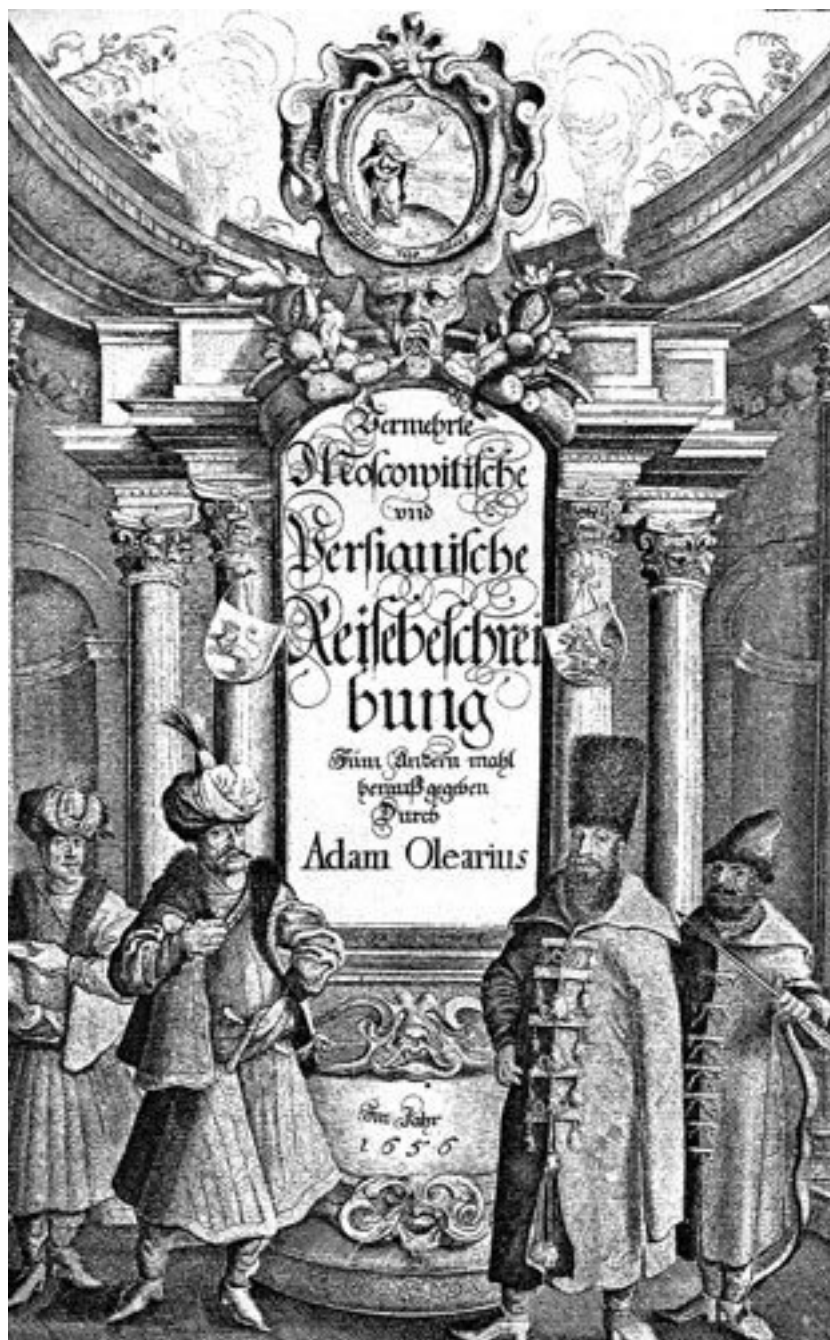
Сызмальства он проявил интерес к торговле и, как отмечают очевидцы, занимался ею весьма успешно. Неизвестно, какими товарами торговал Иванов (говорили, что тканями), но видно, что дело у него спорилось, и в составе купеческих караванов и торговых судов Алмаз немало поколесил по свету. Между прочим, он выучил в чужих краях турецкий и персидский языки, на которых говорил вполне свободно.

В России имя нашего героя впервые упоминается в 1626 году. В переписной книге Москвы он числится владельцем недвижимости в Китай-городе, а именно в тупике Воскресенского переулка. То были палаты каменные, которые он, вопреки пословице, нажил трудами праведными. Отличали строение высокие «голландские щипцы», заметно выделявшиеся на фоне окружающих домишек. Алмаз Иванов значится человеком так называемой «гостиной

сотни», которая являла тогда собой привилегированную корпорацию торговых предпринимателей страны. За получаемые «сотней» льготы ее представители обязаны были нести государственную службу в сфере торговли и финансов, и Иванов не стал здесь исключением.

Он продолжает заниматься торговлей, но постепенно все более и более втягивается в серьезную деятельность на благо Отечества. Поначалу Алмаз выполняет разовые поручения царских вельмож. В 1626 году он пополнил государственную казну так называемыми «кабацкими деньгами» (доходами от кабаков, которые он собрал самолично), за что был пожалован дорогими мехами, а в 1638 году мы видим его таможенным и кабацким головою на Двине, коему было велено «торговых людей и их суды и товары ведати».

По-видимому, Ивановым были весьма довольны, и в 1639 году, еще при царе Михаиле Федоровиче, он прекращает частное предпринимательство и целиком сосредоточивается на государственной службе, проявляя и усердие, и многочисленные таланты. Зная толк в дорогих товарах, умея их оценивать и вести точный учет, Алмаз оказался востребован правительством и был назначен дьяком Казенного приказа. Приказ же тот ведал производством и хранением ценностей царской казны. В прямые обязанности новоиспеченного дьяка входил подбор платьев, драгоценностей, символов царской власти для различных церемоний, в том числе дипломатических. Властям особенно импонировала его удивительная честность и неподкупность. Он участвовал в отборе подарков, вручавшихся знатным иноземцам, контролировал ведение специальных книг посольских расходов. Так Иванов приобщался к дипломатической практике.

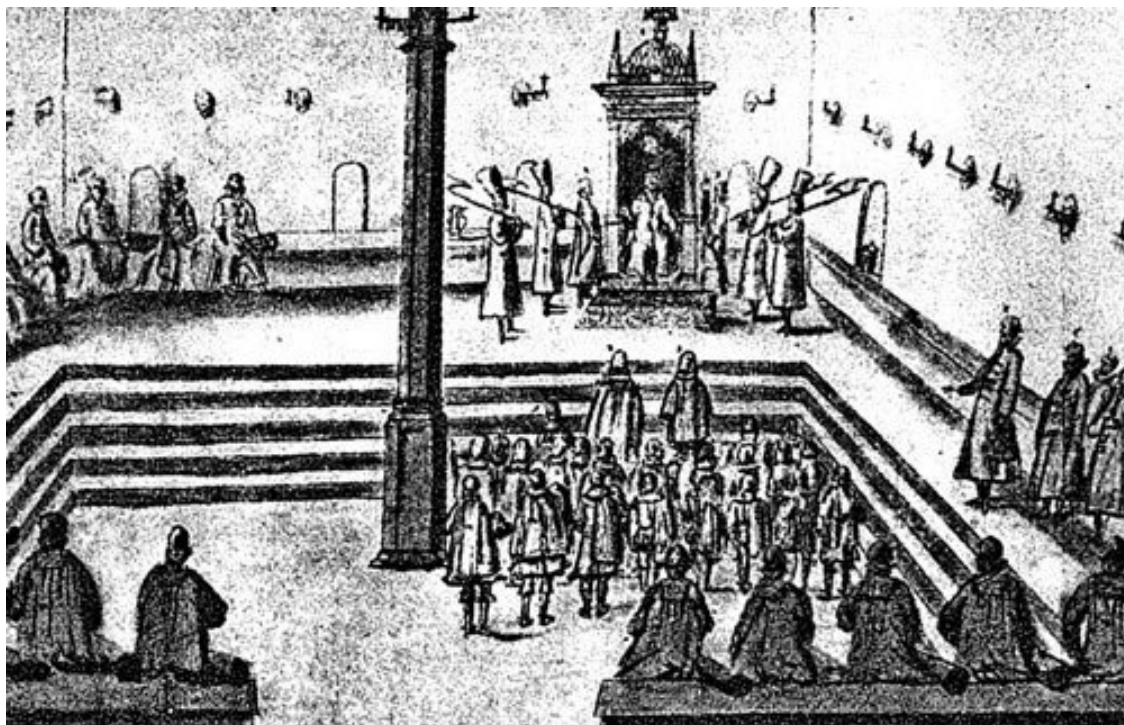
Олеарий А. Описание путешествия в Московию. 1656 г. Титульный лист

В этой связи переход в 1646 году Алмаза Иванова из Казенного в Посольский приказ оказался и закономерным, и органичным. «А ведомы [в нем] дела всех окрестных государств, – говорит о Посольском приказе XVII века подьячий Г. К. Котошихин, – и послов чужеземских принимают и отпуск им бывает; также и Руских послов и посланников и гонцов посылают в какое государство получится... Да в том же Приказе ведомы Московские и приезжие иноземцы всех государств, торговые и всяких чинов люди: и судят торговых иноземцев, и росправу им чинят Рускими людьми». Иванов сразу же включается в работу и по существу исполняет обязанности заместителя главы Приказа. Уже в ноябре 1646 года ему доверено вести переговоры с польским послом Юрием Иличем, в октябре 1647 года – с другими эмиссарами из Речи Посполитой, в июле 1648 года – с голландским послом Конрадом Бугом, в июле 1648 года – со шведским резидентом Карлом Помереннингом и т. д.

Посольский двор в Москве. XVII век

В 1649 году Иванов был включен в состав дипмиссии в Стокгольме, в ходе которой был решен затянувшийся вопрос о перебежчиках. Рвение нашего героя было оценено царем: за «свейскую посольскую службу» он был пожалован землей и деньгами.

Прием в Кремле 27 мая 1661 года. Первый в группе стоящих бояр с шапкой в руке – Алмаз Иванов

Сторонник антипольского политического курса, Алмаз в 1650-е годы целиком озаботился отношениями России с Речью Посполитой. В 1651 году он отправляется в Краков, где присутствует на заседаниях сейма. Там по требованию московских властей он обсуждает вопрос об оскорблении поляками его пресветлого царского величества (так расценивалось тогда неточное написание в документах титула российского самодержца). Русские настойчиво требовали для провинившихся смертной казни. От польского же короля они добивались компенсации морального ущерба, нанесенного русскому царю. В этом им было категорически отказано, но в Москве и не ждали другого исхода переговоров. Отрицательные результаты давали русским формальный повод для разрыва с польскими панами, что и произошло.

В апреле 1653 года Иванов снова в Польше. Формальной задачей посольства было обсуждение перемирия Речи Посполитой с казаками гетмана Богдана Хмельницкого, желавшего воссоединения с Россией, что априори было обречено на провал. На самом же деле послы выводывали, насколько поляки были готовы к войне с Россией, и воочию убедились в нестабильности и слабости своего потенциального противника. Вернувшись в Москву, Алмаз был особенно обласкан царем. Он получил недвижимость в Ростовском, Московском и Нижегородском уездах. Его сразу же возводят в чин думного дьяка и назначают главой Посольского приказа. Это был, между прочим, первый случай в российской истории, когда этнический еврей стал главой всего дипломатического ведомства державы (напомним, что впоследствии, уже в советской России, наркомы иностранных дел также будут евреи Л. Д. Троцкий и М. М. Литвинов). Вояжи в Речь Посполитую наш думный дьяк совершал еще и в 1658, 1660, 1662 и 1666 годах. В результате его усилий за Россией осталась территория, завоеванная у Польши до 1658 года.

Как об этом точно сказал посол Священной Римской империи барон А. Мейерберг, «при исполнении многих посольств [Алмаз] столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств».

Алмаз прослыл тонким знатоком русского дипломатического искусства и придворного этикета, заведенных в Московии еще с незапамятных времен. На многих аудиенциях монарха, данных иноземным послам, Иванов неизменно представлял, выполняя по существу обязанности церемониймейстера. Из XVII века до нас дошли детальные описания таких церемоний, где дьяк играл если не заглавную, то весьма заметную роль. Особую ценность представляет сделанная с натуры рисовальщиком И. Р. Сторном иллюстрация приема, данного его царским величеством Алексеем Михайловичем 27 мая 1661 года римским посланникам. На сей гравюре дьяк предстает высоким, статным и еще нестарым мужчиной. Он, облачившись в длинный кафтан с высоким воротником, стоит во главе колонны и представляет царю послов, указывая правой рукой в их сторону. В левой же руке у него – большая соболья шапка.

Показательно, что и в российскую словесность Алмаз вошел именно как опытный переговорщик и мастер дипломатического церемониала. Вот какую сцену приводит литератор XIX века Д. Л. Мордовцев в своей исторической повести «За чьи грехи?». Писатель рассказывает о приеме при дворе запорожцев гетмана Брюховецкого: «Посланцы вступили в [царскую] переднюю, а из нее введены были в столовую избу пред лицо государя. Их встретил думный дьяк Алмаз Иванов... Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правых рук дотронулись до полу. Это они ударили челом великому государю, по этикету. Но все молчали. Тогда выступил Алмаз Иванов и, обратясь к лицу государя, громко возгласил: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель! Запорожского гетмана... посланцы... вам, великому государю, челом ударили и на вашем государском жалованье челом бьют!» Посланцы снова ударили челом... Царь, сидевший до этого времени неподвижно в своем золотном одеянии, словно икона в золотной ризе, повернул лицо к Алмазу Иванову и тихо проговорил: «Сказывай наше государское слово». И

дьяк возгласил заранее приготовленную и одобренную царем и боярами речь... Проговорив это, Алмаз Иванов, по знаку царя, приблизился к «тишайшему» и взял из рук его грамоту, и тут же передал ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцеловав ее и печать на ней, бережно уложил в свою объемистую шапку. Затем дьяк, опять-таки по знаку царя, обратился снова к послам: «...Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, жалует вас, посланцев гетмана и всего войска запорожского, к руке!»

Трудно переоценить роль Иванова в решении украинского вопроса. В Золотой палате Кремля он торжественно принимал депутацию Богдана Хмельницкого. В документе той поры читаем: «И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову посланникам объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и войско Запорожское пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку». Что должен был испытывать еврей Алмаз, когда привечал погромщика Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников? Об этом история умалчивает...

В 1653 году востребованными оказались и коммерческие способности бывшего купца Иванова. Под его руководством был разработан и введен новый Торговый устав, заменивший многочисленные российские таможенные сборы единой рублевой пошлиной (5 копеек с рубля).

Начавшаяся в 1654 году война с Польшей застала думного дьяка в Москве, где свирепствовало моровое поветрие. По некоторым данным, чума унесла 70 тысяч жизней. В этих тяжелых условиях Алмазу вместе с двумя боярами было доверено управление столицей. Им приходилось принимать меры против грабежей, заниматься устройством застав, руководить тушением пожаров, организовывать охрану города. В октябре 1654 года спасавшаяся от чумы царица Мария Ильинична писала из дальних мест в Первопрестольную: «На Москве ль или с Москвы куды съехали, или померли...?» Ответил ей сам Иванов: «И околничей князь... и я, холоп твой, Алмазко, были на Москве, никуды с Москвы не съезжали». «Холоп твой, Алмазка!» – что сокрыто в этой уничижительной подписи? Хотя в обращении к царю и царице слово «холоп» было общепринятым в ту эпоху, но для Иванова оно обрело свой, особый смысл. Вручив себя и свою жизнь государю, он не требовал для себя никаких льгот, кроме права вновь бескорыстно и самозабвенно служить Отчизне. Это, однако, вовсе не означает, что он был обезличен царем. Алмаз всегда сохранял чувство собственного достоинства.

Это России он посвятил и собственную жизнь, и дарованные ему Богом таланты крупного дипломата, финансиста и администратора... Писатель Д. А. Жуков в повести «Аввакум» называет его в числе подданных «новых, сильных и жестоких» и в то же время бесконечно «царю преданных».

Иванов неукоснительно выполнял любые поручения монарха. Одновременно он числится и дьяком приказа Новгородской четверти, находившегося в подчинении Посольского приказа. В его непосредственные обязанности входит также сбор денежных доходов в государственную казну с городов: Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда и т. д. Дьяк, в частности, велел в 1648 году перевести казаков Новгородского уезда, служивших за хлебное и денежное жалованье, на земельное обеспечение. Он также организовал зачисление служивших в России иноземцев незнатного происхождения в стрельцы, а более родовитых – в казаки.

В 1654–1668 годах он управляет и Печатным приказом, занимая с 1667 года ответственнейшую должность печатника. В историческом документе тех лет печатник определен так: «Он всегда нашего царского величества имеет на вые своей печать и дозируя печатает наши государские грамоты, чтобы в них не было ничего противно нашим царским законам».

Мы уже упомянули о том, что, несмотря на свои еврейские корни, Алмаз был крещен и исповедовал православие. От подобных «перекрестов» предостерегал царя Алексея Михай-

ловича известный панславист и антизападник хорват Юрий Крижанич: «Русское царство, – писал он, – принимает всякого желающего и даже уговаривает, просит, принуждает и заставляет многих... креститься, и тех людей, которые крестятся ради плотского блага, а не ради спасения, принимает в свой народ и сажает на высокие места. Одни [из них] вершат наши важнейшие дела, другие заключают с иными народами мирные договоры и торговые сделки». Но применительно к Иванову это опасение было неосновательным в силу его ревностной приверженности царю и православию. Он стал даже более набожен, чем русские иноки XVII века. И сыновей своих, Семена и Дмитрия, он воспитал в любви к Отчизне. Они оба пошли по стопам отца: первый сделал дипломатическую карьеру, второй стал дьяком в Москве.

«Алмаз Иванов был богомольнее других русских послов, – сообщает писатель С. П. Злобин, – чаще ходил в церковь и несколько раз говорил с попом». Под пером Злобина и поп, в свою очередь, почитает еврея за своего, родного, и обращает к нему патетические слова: «Сил нет больше жить под латинской властью. Только о том и молю Бога, чтобы послал одоление русской державе в битвах меча и в битвах посольской мудрости!» – «Одолеем, батюшка, одолеем!» – успокаивает его Алмаз.

Богомольность думного дьяка подтверждают и его многочисленные вклады в монастыри (в основном это были книжные пожертвования). Но, что еще более важно, этому еврею было не только позволено, но и вменено в обязанность: нет, не вступать – врываться в самые заповедные области русской церковной жизни. В 1659 году он участвует в важнейших для судьбы православия на Руси прениях с низложенным патриархом Никоном. Любопытно и то, что дьяк был уполномочен царем вести такое тонкое и деликатное дело, как переговоры с поляками об отмене Зборовской унии между католиками и православными, что потребовало от него недюжинных богословских познаний. И разве не удивительно, что царь, желая подчинить церковников своей судебной-гражданской власти, именно Алмаза назначил главой Монастырского приказа!? Ему было поручено чинить «суд во всяких истцовых исках на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, на монастыри и т. д». Так еврей-«перекрест» вершил судьбы всего православного клира России.

Олеарий так характеризует Алмаза Иванова: «Человек тонкий, способный, одаренный ясным умом и твердой памятью». Он служил России и именно верой в нее был крепок, аки алмаз. Тем самым он словно приносит в данное ему людьми прозвание новое значение. И этот алмаз в лучах российской славы сияет и переливается всеми своими гранями, что и в наши дни делает его столь же пленительным и притягательным. Очень точно сказал о нем историк русской геральдики А. Б. Лакиер: «История наша пока молчит об Алмазе Иванове... и других думных дьяках, которые, тем не менее, так успешно окончили не одну войну выгодным для России миром, сделали не одно улучшение в законодательстве и во внутреннем управлении Отечества нашего. Настанет время, когда Россия с гордостью укажет на этих дельцов...»

Дело врача Даниил фон Гаден

15 мая 1682 года приняли мученическую смерть многие сторонники десятилетнего царевича Петра. Произошло это в результате кровавого стрелецкого бунта, инициатором и вдохновителем которого стала сводная сестра Петра, Софья Алексеевна. Амбициозная и искушенная в интригах царевна не пожелала мириться с тем, что Петр, сын ее новоиспеченной мачехи Натальи Нарышкиной, был накануне избран российским самодержцем. В цари она прочила своего единоутробного брата Ивана, страдавшего врожденным слабоумием. При нем-то да при мальчишке Петре Софье и мечталось стать всесильной регентшей, самоличной правительницей державы.

По указке царевны, людей Нарышкиных хватали и бросали на поставленные копы и бердыши. Тела несчастных буквально рвали на части и, обезображенных и изрубленных, волокли по грязи на Красную площадь, выставляли на всеобщее позорище. Одной из первых жертв бунтовщиков стал бывший ближний боярин «тишайшего» царя Алексея Михайловича, Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), в доме которого воспитывалась до замужества Наталья Нарышкина. Открыто покровительствуя Петру, Матвеев давно уже был костью в горле партии Софьи. Потому в 1676 году, сразу же после кончины «тишайшего», когда на престол взошел старший сын царя, Федор Алексеевич, боярина Артамона незамедлительно упекли в северную глухомань – Пустозерск. Ему инкриминировали колдовство и чернокнижие. В Первопрестольную он вернулся только тогда, когда Федор почил в бозе, а партия Нарышкиных восторжествовала. При избранном на царство отроке Петре именно ему, Матвееву, надлежало стать главной опорой нового правительства. Но история распорядилась иначе...

А. С. Матвеев

Досталось тогда всем людям, близким к Матвееву. Не миновала злая судьба и его друга и соратника Даниила фон Гадена. Даниилом именовали царского придворного доктора Стефана фон Гадена, или, как его еще величали на русский манер, Даниил Жидовин или Степан Фунгаданов. Этнический еврей, служивший русскому царю с 1656 года, он постепенно сделался самым популярным врачом в Москве. При Федоре Алексеевиче ему было доверено «ходить только к хоромам – к благоверной государыне царице и великой княгине Наталье Кирилловне и благоверным государям цесаревичам и к благоверным государыням цесаревнам – к большим и меньшим».

Что же объединило Артамона Матвеева и Даниила Гадена, ставших в те роковые дни жертвами разъяренных стрельцов? Дружеские отношения между боярином и лекарем завязались вскоре после того, как Гаден волею судеб оказался в перешедшей под российский скипетр Малороссии.

К тому времени сей эскулап прожил насыщенную, богатую внешними событиями жизнь и вполне сформировался как искусный мастер своего дела. Интерес к естественным наукам Стефану привил отец, «дохтур Итальянские земли жидовские веры». Судьба, однако, занесла семью в Бреславль, что в прусской Силезии, где и родился наш герой. Науке врачевания он обучался уже в Польше, поначалу в городке Каратышине, а потом во Львове и, как видно, получил о сем надлежащий диплом (ибо в документах Аптекарского приказа именовался «бакалавром медицины»). Юноша отличался честолюбием и со свойственной ему изворотливостью устранял любые маломальские препятствия на пути к своей карьере: в Бреславле, где большинство населения исповедовало лютеранство, он становится лютеранином; оказавшись же в католической Польше, – принимает католицизм.

Стрелецкий бунт 15 мая 1682 года. Миниатюра XVIII века

Впрочем, его дорога к успеху была неровной и извилистой. Он определяется врачом к великому польскому гетману Николаю Потоцкому, но армия поляков терпит поражение, и Даниил попадает в татарский плен в Крыму. Там его продают в рабство османам в Константинополь, откуда он бежит с помощью одного еврейского купца. Минуя Валахию, он оказывается в Каменец-Подольском, где лечит поляков, сражавшихся с казаками под водительством сына гетмана Богдана Хмельницкого, Тимофея. Жительствовав некоторое время в городах Дрожиполе, Шаргороде и Сатанове (где он, между прочим, женился), Гаден, наконец, решает поселиться в живописном Черткове, близ Тернополя, где также практикует медицину. Там-то и настигли его в 1656 году русские, взявшие Чертков штурмом. Даниил попадает в Киев, в полк воеводы В. В. Бутурлина, и столь же ревностно, как он лечил поляков, врачует украинцев и

великороссов. «И лечил государевых ратных людей, – вспоминал он впоследствии, – а излечил государевых ратных людей сто двадцать пять человек».

Бутурлин был самым тесным образом связан с боярином А. С. Матвеевым, бывшим одно время начальником Малороссийского приказа. Оба они входили в состав «великого посольства» в Польшу в 1654 году; царь поручил им содействовать тому, чтобы «принять под свою государеву высокую руку» новоприсоединенную Малороссию. И украинский народ героизировал этих двух русских, называя их «батьками», «добродеями», «милости государской неотступными просителями». Матвеев был частым гостем у Бутурлина, а потому трудно предположить, что он мог не знать о находившемся при воеводе полковом лекаре. И не Матвеев ли способствовал тому, чтобы Гадена перевели на службу в Москву?

Даниил был принят в Аптекарский приказ – образованное в 1620 году учреждение, ведавшее управлением всей врачебной деятельностью державы. В подчинении сего приказа находились аптеки, аптекарские сады и огороды; тут производился подбор квалифицированных специалистов; имелась военно-медицинская служба. К концу XVII века в штате его насчитывалось 100 человек: 82 медика, 6 докторов, 4 аптекаря, 3 алхимиста, а также ученики лекарского и костоправного дела, подьячие и толмачи. Гаден же занял поначалу скромную должность цирюльника [фельдшера. —Л. Б.], в Московской Руси иностранные дипломы не признавались, так что карьере пришлось начинать наново.

Здание Аптекарского приказа

Благодаря уму и таланту Даниил добился того, что стал пользоваться большой доверенностью царя. Но на это ушли долгие годы. В 1659 году он становится лекарем, лишь в 1667 году удостоен чина «поддоктора» и только в марте 1672 года получает звание доктора – самое высокое в медицинской иерархии страны. Мало того (случай в Московии беспрецедентный!), он получает от царя жалованную грамоту с перечислением его профессиональных заслуг. Здесь, в частности, говорится, что он, Стефан Гаден, «в дохтурском и во всяком лекарственном учении достаточно навичен и дохтурской чести достоин, и во всем человек потребный». Особо же отмечается его «тщательство», «радение» и «верная служба».

Не обошлось, правда, без компромиссов. Как иначе расценить тот факт, что в Московии наш герой вдруг принимает православие? Видно, этим шагом он сильно потратил русскому царю. Один только перечень подарков, полученных им от Алексея Михайловича по сему случаю, занял бы несколько страниц печатного текста. В числе прочего – золото, серебро, дорогие меха, шелка, бархат и т. д. Впрочем, историк И. Берхин полагает, что принятие Гаденом

греческой веры было «только внешним, каковые примеры нередки в средневековой еврейской истории».

Стрелец

Но не будем корить Гадена за отступничество, ибо, добившись привилегированного положения, он всегда использовал его во благо еврейству. Хотя он и окропил себя святой водой, но не переставал заботиться о своих некрещеных соплеменниках. «Жиды с недавнего времени, – свидетельствовал английский врач С. Коллинс, – очень размножились в городе и при Дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста)». Это очень точное слово – «покровительствует»! Действительно, этот «перекрест» принимал под свой кров не только родственников, но и иудеев, едва ему знакомых. Они часто гостили в его доме, и доктор добивался, чтобы при отъезде им давались казенные подводы и подарки – соболями и деньгами. Способствовал он и тому, чтобы, несмотря на все строгости тогдашних

законов, еврейские купцы приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссию от двора. В результате число иудеев в Первопрестольной существенно увеличилось. Пребывание евреев в Московии стало тогда столь обычным явлением, что «Новоуказные статьи» 1669 года, устанавливая казни за соращение христиан в другую религию, упоминают особо о евреях: «аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней; а аще жидовин христианина раба имый и обрежет его, да отсекут ему голову». Нелишне будет заметить, что при царском дворе вместе с Гаденом благоденствовали тогда и другие крещеные евреи. Среди них – думный дьяк Алмаз Иванов, четырнадцать лет возглавлявший дипломатическое ведомство страны – Посольский приказ; русский посол в Кахетии В. С. Жидовин; приказной дьяк Василий Юдин; начальник московских стрельцов (должность, по современным понятиям, выше командующего Московским военным округом!) Иван Васильевич Жидовин и др.

Как мы уже отмечали, влияние еврейского медика при дворе Алексея Михайловича во многом зависело от всеильного тогда Артамона Матвеева, который в 1672–1676 годах возглавлял Аптекарский приказ. С этим энциклопедически образованным боярином, которого называли «рыцарем XVII века», они были не только коллегами, но и короткими приятелями. И жительствоваали они в Москве неподалеку: Гаден – на Покровке, в Белом каменном городе, а Матвеев – там, где находится сейчас Армянский переулок (тогда в честь своего хозяина он носил имя Артамоновский).

Доктор часто бывал в палатах у своего патрона, где царила столь притягательная атмосфера непринужденности и свободы. Там было чему подивиться не только русским, но и видавшим виды иноземцам! Изысканный потолок приемной залы был искусно расписан пасторальными пейзажами, комнаты утопали в зеркалах, на стенах висели старинные немецкие картины, мерно и гулко тикали заморские часы с различным исчислением времени. Друзья часто уединялись в библиотеке, где вели долгие беседы не только о делах насущных, но и, как говаривал Матвеев, «ради душевные пользы». Книгохранилище же Артамона Сергеевича, библиофила и полиглота, было одним из лучших в Московии. Здесь наличествовали издания и рукописные книги не только на русском, но и на латинском, польском, немецком, французском, английском, итальянском, испанском, датском и чешском языках. Хотя в библиотеке преобладали сочинения по теологии, философии и географии, но имелись и книги по естествознанию и анатомии, среди которых были и труды таких признанных светил европейской медицины, как Х. Гюйгенс, С. Лубенецкий, П. Лауренберг, А. Шпигель и др.

Медицина была одной из пламенных страстей не только Гадена, но и Матвеева, а должность последнего, главы Аптекарского приказа, была облечена особым доверием царя. Впоследствии будет общепризнанным, что деятельность Артамона Сергеевича на сем поприще продвинула далеко вперед отечественную медицину. И немалую роль здесь сыграл Гаден. Друзья внимательно следили за развитием лечебного дела в Западной Европе, заботились, чтобы в кремлевской аптеке были новейшие лекарства. В Посольском приказе, который Матвеев по совместительству возглавлял, по его требованию, переводились на русский язык надежные руководства по врачеванию недугов. Известно, что Матвеев с подачи Гадена самолично составлял списки необходимых медикаментов (коих насчитывалось более ста тридцати!) на славянском и латинском языках.

А как преобразился при наших друзьях сам Аптекарский приказ! Очевидцы утверждают, что помещение его Матвеев обставил с большой роскошью. Стены и потолки были украшены росписями, полки и двери обиты английским «добрым» сукном, окна пестрели разноцветными стеклами, на подоконниках расстилались дорогие бархатные ковры. Матвеев принял меры к тому, чтобы даже поблизости от приказа не было «грязи, вони и никакого дурна».

И все же после смерти «тишайшего» Алексея Михайловича участь Матвеева, ревностного сторонника Нарышкиных, была предreshена. И показательно, что предлогом к казни

боярина стала именно его медицинская деятельность. Матвеев подготовил к изданию книгу по лекарствам и травам, в которой клеветы Милославских усмотрели ересь. Но и из пусто-зерской ссылки, куда он был отправлен, Артамон бомбардирует нового царя оправдательными письмами, где часто поминает Гадена и ссылается на его авторитет. Сохранилось описание последних минут его жизни. Боярин пытался увещевать стрельцов, но те яростно накинулись на него. Артамон вырвался и успел добежать до своего любимца Петра и схватить его под руку. «Стрельцы ворвались, – пишет далее очевидец, – выхватили его из царской руки, сбросили его с крыльца на копьё; потом сняли с него одежды, вывели за Крым-город и разрубили на части. Видя это, иные бояре разбежались, кто куда мог».

А что же Гаден? Избежав каким-то чудом гонений при Федоре Алексеевиче, еврейский доктор, как человек, близкий Матвееву, теперь становится одним из тех, кто «царевны Софьи Алексеевны стороне противны или подозрительны были». Масло в огонь подливало и то, что он был нерусским, о чем писал стихотворец XVIII века А. П. Сумароков, подчеркнувший, что Даниил был «жидовской породы» и с ним расправились «по ненависти к чужеземцам».

Однако и заслуги Гадена не помешали Милославским объявить сего еврея первостатейным злодеем, якобы уморившим Федора Алексеевича ядовитым кушаньем. Обвинение странное, если принять во внимание, что все лекарства и блюда, прежде чем попасть к царю, непременно дегустировались челядью и врачами! Но кого интересовало действительное положение дел?! В отравители монарха невежественная чернь записывала всех, кого ей заблагорассудится. Чудовищная напраслина, возведенная на медика-еврея, столь же абсурдна и нелепа, как и шельмование Матвеева, якобы общавшегося с нечистой силой. Потому-то и искали царского медика разъяренные стрельцы.

«В этот же день, – свидетельствует современник, – разыскивали и лекаря жида Даниила, но не нашли его, потому что он, переодевшись в страннические одежды, пробрался на Кукуй [так называли Немецкую слободу в Москве. —Л. Б.]». Итак, Гаден бежал от кровавой вакханалии стрельцов в Кремле. Двое суток он прятался в Марьиной роще и окрестных местах. Но, одержимый голодом, направился вновь в Немецкую слободу, где надеялся найти приют у одного знакомого. На улице он был узан, схвачен и приведен во дворец. «Здесь, – рассказывает историк С. М. Соловьев, – царевны и царица Марфа Матвеевна умоляли стрельцов пощадить доктора; уверяли, что он совершенно невинен в смерти царя Феодора, что он в их глазах сам прежде отведывал все лекарства, которые составлял для больного государя, – все понапрасну!» Медика повели на пытку в Константиновский застенок. И совсем как в будущие сталинские времена, Гаден, не вытерпев мук, наговорил на себя разные разности. Он не только признался в том, что сам был врачом-отравителем, но пообещал назвать всех своих выдуманных сообщников, прося на то три дня сроку. «Долго ждать!» – закричали стрельцы, потащили его на Красную площадь и там разрубили на куски. Вместе с ним умерщвлены были его сын Михаил, «немец» доктор И. Гутменш, ассистент Гадена, а также его слуги – пятьдесят человек простого люда.

Царица Марфа Матвеевна Апраксина

Символично, что в свой последний путь доктор, всю жизнь метавшийся от одной христианской конфессии к другой, ушел как иудей. Вот что рассказывает об этом очевидец: «Я приехал в Москву через три или четыре дня после погрома [в Кремле. – Л. Б.] и пошел на похороны с другими анусим [крещеными евреями. —Л. Б.], что был дан от царя приказ похоронить убитых. Даниил был изрублен на куски: отрублены были одна нога и одна рука, тело проколото копьем, а голова разрезана топором. Я и другие анусим похоронили Даниила и его сына... в поле».

Место захоронения Стефана фон Гадена неизвестно. И имя его знают только дотошные историки. Но разве не поучительно, что по прошествии более двух с половиной столетий в пресловутом сталинском процессе над врачами-вредителями повторился тот же навет, замешанный на невежестве и ксенофобии, который стоил жизни московскому доктору?

Петр I и евреи (Импульсивный прагматик)

Пожалуй, нет кроме Петра Великого ни одного монарха в России, чье отношение к иудейскому племени толковалось бы столь неоднозначно и противоречиво. Характеристики поражают своей полярностью. Почвенник Анатолий Глазунов утверждает, что сей император «жидов не терпел» и считал их «нежелательным элементом». А израильский писатель Давид Маркиш, напротив, говорит о завидной веротерпимости Петра и вкладывает в его уста такие обращенные к иудеям слова: «Что ж это, вы тут гуляете, Пасху свою жидовскую празднуете, а меня и пригласить забыли!.. Мне на вашу Пасху поглядеть весьма любопытно и даже полезно для общего знания» (и в довершение сего царь надевает на голову ермолку). Парадокс, однако, в том, что для этих взаимоисключающих (и с явным пережестом) оценок есть свои резоны, ибо великий реформатор России в разных жизненных ситуациях вел себя по-разному, демонстрируя то благодушие к народу Израиля, то нескрываемую антипатию. Возникает вопрос, где же истинный Петр Алексеевич: когда он кривил душой, а когда прямо выказывал то, что было на сердце? Да в том-то и дело, что сей самодержец, натура импульсивная, взбалмошная, был искренен во всех своих проявлениях – и когда честил иудеев, и когда защищал их...

Но разговор этот логичнее всего начать с курьеза, а именно со спекуляций по поводу этнических корней самого царя. В последнее время на интернетовских порталах и сайтах нередко стали появляться реплики, иногда весьма едкие, о том, что государь-то батюшка, оказывается, по материнской линии «хазарин», «караим», «еврей». Причем ревнители чистоты русской крови прямо указывают на то, что он был «жгучим брюнетом», и «лицо Петра Первого – это явно не славянское лицо». Поиски инородческого следа в происхождении императора получили особенно сильный импульс после выхода в свет двух книг американского литератора Р. И. Слободчиковой: «Романовы, Нарышкины и их потомки» (2007) и «Не родись красивой, или Заложницы судьбы» (2008). Их автор, потомок рода Нарышкиных, к которому принадлежала мать Петра Наталья Кирилловна, воссоздала его генеалогию и отметила, что основателем династии был крымский караим Нарышко, принявший православие и ставший окольничим московского князя Ивана III. Род Нарышкиных, давший Отечеству немало замечательных государственных, военных, политических деятелей, дипломатов, ученых, литераторов, был разветвленным и многочисленным. Однако то, что восходит он к караимам, отнюдь не было открытием Америки. Об этом писали и прежде многие видные российские историки, среди них Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, В. В. Нехлюдов, М. А. Миллер, М. И. Артамонов, так что еще и еще новое оказывается хорошо забытым старым.

Занимались сим вопросом и исследователи-караимы М. С. Шапшал и М. М. Казас. А известный меценат, основатель «Караимской народной энциклопедии», академик М. С. Сарач утверждал, что Романовы знали о своем караимском происхождении и чттили память о своем предке Нарышко, чем он объясняет и благожелательность к караимам всей царской династии. Однако нет решительно никаких данных о том, что Петр подозревал о своем караимском, а соответственно, еврейском пращуре (ведь, согласно господствующей версии, караимы – этнические евреи). К тому же родство это было столь отдаленным (Нарышко приходился ему прапрадедом), что совершенно невозможно судить по нему о национальной принадлежности матери царя и тем более самого Петра Алексеевича. И вполне очевидно, что это, в глазах антисемитов, «сатанинское семя» в родословной царя никак не могло повлиять на его отношение к иудеям.

Император Петр I

Но Петра Великого уличали в еврействе не только бдительные интернетовские информаторы, но и его современники – противники его грандиозных реформ. И это, по мнению историков А. С. Каца и Ф. С. Канделя, оказало на позицию Петра I по сему вопросу самое непосредственное воздействие. Староверы с целью дискредитации ненавистного им монарха объявили его Антихристом, который «соберет всех жидов, поведет их в Иерусалим и будет там царствовать над ними». Примечательно, что и об упразднении Петром патриаршества и учреждении Святейшего Правительствующего Синода будут говорить: «Вместо него жидовский синедрион учредил, еже есть духовный синод». А предпринятую по инициативе царя всеобщую перепись жителей России станут сравнивать с переписью населения, проведенной в Иудее Октавианом Августом в начале новой эры.

Польский еврей. XVIII век

Досужие толки «супротивников» по сему поводу воссозданы в III части трилогии Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»:

«– А что, правда ли, слыхала я давеча... государя же нынче на Руси нет, а который и есть государь – и тот не прямой, природы не русской и не царской крови, а либо немец, либо швед обменный?»

– Не швед, не немец, а жид проклятый... – объявил старец Корнилий...

– Я, батюшки, знаю, все про государя доподлинно знаю, – подхватила Виталия, – ...как де был царь наш благочестивый Петр Алексеевич за морем в немцах и ходил по немецким землям, и был в Стекольном, а в немецкой земле стекольное царство держит, и та девица, над государем ругаючись, ставила его на горящую сковороду, а потом в бочку с гвоздями заковала, да в море пустила.

– Нет, не в бочку, – поправил кто-то, – а в столп закладен.

– Ну, в столп ли, в бочку ли, только пропал без вести – ни слуху ни духу. А на месте его явился оттуда же, из-за моря же, некий жидовин проклятый из колена Данова, от нечистой девицы рожденный. И в те поры никто его не познал. А как скоро на Москву наехал, все стал творить по-жидовски: у патриарха благословения не принял; к мощам московских чудотворцев не пошел, потому что знал – сила Господня не допустит его, окаянного, до места свята... Да он же, проклятый жидовин, с блудницами немками всенародно пляшет; пьет вино не во славу Божию, а некакo нелепо и безобразно, как пропойцы кабацкие, валяясь и глумясь в пьянстве: своих же пьяниц одного святейшим патриархом, иных же митрополитами и архиереями называет, а себя самого протодиакoном, всякую срамоту со священными глаголами смешивая, велегласно вопия на потеху своим немецким людям, паче же на поругание всей святыни христианской».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.